O.V.K — X.T.R

ОШИБКИ РАССУЖДЕНИЯ

СОФИЗМЫ, УЛОВКИ И ЗАЩИТА

РАЗБОР ПРИЁМОВ И ПРИЁМЫ ЗАЩИТЫ

O.V.K — X.T.R

ОШИБКИ РАССУЖДЕНИЯ

СОФИЗМЫ, УЛОВКИ И ЗАЩИТА

Изложение ошибок формы, подмен и уловок спора —
от Аристотеля и Шопенгауэра к нынешнему разговору,
и защита для того, кого ими донимают

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Дурной довод, произнесённый твёрдо, побеждает хороший, произнесённый робко. Оттого честному спорщику надобно знать не только истину, но и приёмы, коими её опрокидывают».

— из тетради, писанной для себя

Книга писана для того, кого переспорили нечестно,
а не для того, кто хочет переспорить.
Уловки изложены как уловки,
защита — как защита,
и ничто не даётся в оружие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое ошибка рассуждения 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Софисты и Аристотель 5
V. Что значит «следует» 6
VI. Шопенгауэр и его «Эристика» 7
VII. Русская линия: Поварнин о споре 8
VIII. Чем это знание не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОШИБКИ ФОРМЫ

IX. Утверждение следствия 11
X. Отрицание основания 12
XI. Ложная развилка 13
XII. Порочный круг 14
XIII. Обобщение по немногим случаям 15
XIV. После того — не значит вследствие 16
XV. Целое и части 17
XVI. Скользкая дорожка 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПОДМЕНЫ

XVII. Двусмысленность слова 20
XVIII. Подмена положения 21
XIX. Спор с чучелом 22
XX. Перекраивание определения 23
XXI. Скрытая посылка и нагруженный вопрос 24
XXII. Кому доказывать 25
XXIII. Ссылка на незнание 26
XXIV. Слова-обёртки 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. УЛОВКИ СПОРА

XXV. Переход на лицо 29
XXVI. Ссылка на власть имени и на толпу 30
XXVII. Ссылка на древность и на новизну 31
XXVIII. Отравление источника 32
XXIX. Уводы в сторону 33
XXX. Давление: жалость, страх, насмешка 34
XXXI. Приёмы Шопенгауэра 35
XXXII. Последняя уловка 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ЗАЩИТА

XXXIII. Как слушать довод 38
XXXIV. Вопросы, разрушающие уловку 39
XXXV. Свои ошибки 40
XXXVI. Числа и их обман 41
XXXVII. Когда спор не нужен 42
XXXVIII. Чего логика не может 43
XXXIX. Правила спорящего честно 44
XL. Заключение: форма, слово, добросовестность 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

✻

ОСНОВАНИЯ

Откуда пошёл разбор ошибок, что значит «следует»,
чему учил Шопенгауэр
и отчего эта книга — защита, а не оружие

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое ошибка рассуждения

Ошибкою рассуждения зовётся ход мысли, который *кажется* убедительным, а на деле не даёт того, что обещает: заключение из него не следует, либо следует не из того, что было сказано.

Существенно здесь слово «кажется». Явная нелепость никого не обманывает и потому не интересна. Опасны ходы, устроенные так, что слушатель соглашается прежде, чем успевает разобрать, — то есть те же условия, что описаны в книге о внушении.

Различают два рода. **Ошибки формы** — когда неверна самая связь: из посылок заключение не вытекает, будь они хоть трижды истинны. **Ошибки содержания и подмены** — когда связь как будто верна, но слова по дороге переменили значение или доказано не то, что требовалось.

И третье, стоящее особняком: **уловки спора** — приёмы, коими побеждают собеседника, не касаясь существа дела. Они не ошибки вовсе, ибо употребляются нарочно.

Оттого книга разделена так. Часть вторая — форма; третья — подмены; четвёртая — уловки; пятая — защита. Порядок этот и есть порядок разбора: услышав довод, спрашивают сперва о связи, потом о словах, потом о добросовестности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

Греческое *sophisma* означало искусную выдумку, хитрость; *sophistes* — знатока, умельца. Ничего дурного в слове поначалу не было: софистами звали учителей мудрости и красноречия.

Дурное значение оно получило от Платона, изобразившего софистов торговцами доводами, готовыми доказывать что угодно за плату. Так и повелось: *софизм* — ошибка, сделанная нарочно, чтобы обмануть.

Ошибку, сделанную по недосмотру, греки звали *паралогизмом*. Различение это существенно и по сей день: один и тот же ход мысли может быть заблуждением честного человека и орудием нечестного.

Латинское *fallacia* — обман, ловушка — дало нынешнее западное слово для ошибок этого рода. По-русски их зовут *логическими ошибками*, а нарочные приёмы спора — *уловками*.

Держаться будем этих трёх слов. *Ошибка* — когда рассуждающий сам обманулся. *Софизм* — когда обманывает другого. *Уловка* — когда не рассуждает вовсе, а лишь добивается победы. Приёмы у всех трёх одни; разница — в намерении, и о ней глава восьмая.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

*

Всякий разбор довода сводится к трём вопросам, и на них стоит вся книга.

Первое: верна ли связь? Пусть посылки истинны — вытекает ли из них заключение? Это вопрос *формы*, и он решается независимо от предмета: одна и та же ошибка узнаётся и в споре о налогах, и в споре о звёздах.

Второе: те ли слова? Не переменило ли слово значения посреди рассуждения; о том ли предмете говорят обе стороны; не подменено ли доказываемое положение другим, более удобным.

Третье: добросовестно ли ведётся дело? Ищет ли собеседник истины или победы; отвечает ли на сказанное или на приписанное; готов ли признать довод против себя.

Три вопроса эти задают в таком порядке и не смешивают. Обвинять в недобросовестности того, кто просто ошибся в форме, — несправедливо; разбирать же форму у того, кто ищет одной победы, — напрасный труд.

И заметим наперёд то, что делает эту книгу трудной: *всё сказанное надлежит применять сперва к себе*. Чужие ошибки видны легко; свои — почти никогда, о чём глава тридцать пятая.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Софисты и Аристотель

Разбор ошибок начался с того, что в Афинах за деньги учили спорить, и понадобилось средство против этого обучения.

Софисты — Протагор, Горгий и прочие — учили молодых людей говорить убедительно в суде и в собрании. Протагору приписывают обещание «сделать слабейший довод сильнейшим»; отсюда и дурная слава ремесла.

Ответом стало сочинение Аристотеля «О софистических опровержениях» — первый в истории разбор уловок. Он различил ошибки, зависящие *от слова* (двусмысленность, соединение и разделение слов, ударение), и не зависящие от слова (подмена, порочный круг, ложная причина, следствие вместо основания, многовопросие).

Перечень его на диво живуч: почти все ошибки, о коих речь в этой книге, у него названы, и названы точно. Прибавилось за две тысячи лет немногое: разряды из области чисел и вероятностей да наблюдения о том, как ошибается сам разбирающий.

Заметим и его определение спора. Аристотель различал спор ради истины и спор ради победы; второй он и называл *эристикой* — словом, которое через два тысячелетия возьмёт Шопенгауэр.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Что значит «следует»

Прежде разбора ошибок надлежит понять, что такое верный ход мысли. Определение его строго и просто.

> Заключение следует из посылок,
> если невозможно, чтобы посылки были истинны,
> а заключение ложно.

Отсюда два разряда достоинств. Рассуждение *правильно*, когда связь верна; оно *обоснованно*, когда сверх того истинны и посылки. Правильное рассуждение из ложных посылок даёт ложное заключение и остаётся правильным — в этом весь смысл различения.

Отсюда же и первое орудие разбора: *проверка подстановкой*. Сохрани связь, замени содержание — и посмотри, не выйдет ли из истинных посылок явная нелепость. Если выйдет, связь негодна, а стало быть, негоден и первоначальный довод.

Заметим и то, что большая часть житейских рассуждений не бывает строгой. Мы рассуждаем правдоподобно: от примеров к правилу, от следствия к причине, от сходства к сходству. Такие ходы не дают достоверности — они дают *степень*, и вопрос всегда в том, велика ли она.

Оттого и вторая мера, годная для обихода: *насколько заключение вероятнее при этих доводах, чем без них*. Довод, ничего не меняющий в этой мере, есть довод пустой, хотя бы и звучал внушительно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шопенгауэр и его «Эристика»

В сороковые годы девятнадцатого века Артур Шопенгауэр составил перечень тридцати восьми приёмов, коими побеждают в споре, будучи неправым. Сочинение это, «Эристическая диалектика», издано было уже после его смерти.

Замысел его был двойствен, и об этом стоит сказать честно. Он исходил из того, что человек по природе тщеславен и защищает сказанное даже сознавая свою неправоту; а потому знать приёмы полезно — хотя бы для того, чтобы не быть ими побеждённым.

Тон его язвителен, а иные советы прямо бесчестны: раздражить противника, увести в сторону, воспользоваться его невнимательностью. Читать это как руководство к действию — значит превратиться в того, о ком он пишет с презрением.

Ценность же перечня в том, что он *назван по именам*. Уловка, у которой есть имя, узнаётся мгновенно и теряет половину силы: назвать вслух «вы сейчас переиначили мои слова» — лучшая на неё управа.

Самые ходовые из его приёмов разобраны в главе тридцать первой, а последний, тридцать восьмой, — в главе тридцать второй; он же и самый честный из всех, ибо в нём Шопенгауэр прямо признаёт, что дело проиграно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия: Поварнин о споре

*

У нас лучшее сочинение об этом предмете написал Сергей Поварнин: книжка «Спор. О теории и практике спора», вышедшая в 1918 году и с тех пор переиздаваемая.

Достоинство её в трезвости. Поварнин пишет не для победителей, а для людей, которым приходится спорить по службе и в жизни, и начинает с того, с чего следует: с *различения видов спора*.

Он делит их так: спор *для проверки истины*, спор *для убеждения* противника или слушателей, спор *ради победы* и спор-игра. Приёмы, уместные в одном, негодны в другом, а большая часть житейских недоразумений происходит оттого, что стороны ведут разные споры, не заметив этого.

Он же подробно разбирает уловки — и позволительные, вроде оттягивания ответа для обдумывания, и грубые: срывание спора, палочные доводы, обращение к власти и к чувствам, «чтение в сердцах».

Особенно ценно его правило о *тезисе*: прежде спора выяснить, о чём именно спорят, все ли слова понимаются одинаково и что каждая сторона берётся доказать. Пренебрежение этим правилом — причина девяти споров из десяти, и о нём же — главы восемнадцатая и тридцать девятая.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем это знание не является

*

Отсечём лишнее, ибо знание этого предмета портит человека чаще, чем улучшает.

Оно не есть оружие. Кто выучил названия уловок затем, чтобы бить ими собеседника, получил не ум, а дурную привычку. Такого человека перестают звать в разговор — и правильно делают.

Оно не есть способ всегда быть правым. Обнаружить ошибку в доводе — не значит опровергнуть *положение*: дурно доказанное может оказаться верным. Об этом — глава тридцать восьмая, и это самая частая ошибка знатоков.

Оно не заменяет знания предмета. Разбор формы бесполезен там, где не знаешь дела: посылки-то оценивать надобно по существу.

Оно не даёт власти над собою. Знающий устройство ошибок ошибается немногим реже прочих — особенно в свою пользу, о чём глава тридцать пятая.

Что же оно даёт? Способность *не быть побеждённым нечестно* и привычку спрашивать: что здесь утверждается, что из этого следует и на чём это стоит. Три вопроса — вот всё приобретение; но их довольно, чтобы не поддаваться ни спорщику, ни объявлению, ни оратору.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*

ОШИБКИ ФОРМЫ

Восемь ходов, при которых заключение не вытекает
из посылок, будь они хоть трижды истинны, —
и способы обнаружить это тотчас

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Утверждение следствия

Первейшая и частейшая из ошибок формы. Из «если А, то Б» и «Б» заключают «А» — тогда как из этого не следует ничего.

ИЗ СЛЕДСТВИЯ ОСНОВАНИЕ НЕ ВЫВОДИТСЯ

Пример. «Если шёл дождь, мостовая мокра. Мостовая мокра — значит, шёл дождь». Между тем её мог полить дворник, могла прорваться труба, могла осесть роса.

Житейски она встречается всюду, где по следствию судят о причине: «У него есть деньги — значит, украл»; «Лекарство приняли, и стало легче — значит, оно помогло»; «Программа работает — значит, написана верно».

Обнаруживается легко: услышав такой ход, спросите *«а чем ещё это могло быть вызвано?»*. Если находится хоть одна иная причина — заключение не доказано. Ошибка эта не означает, что вывод ложен; она означает, что он *не следует*, и его надобно доказывать иначе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Отрицание основания

Сестра предыдущей. Из «если А, то Б» и «не А» заключают «не Б» — и снова напрасно.

> «Если он учился в столице, он образован. Он не учился в столице — значит, необразован».

Заключение не следует: образование добывается и без столицы. Условие «если А, то Б» говорит лишь о том, что А довольно для Б, — но не о том, что А для этого *необходимо*.

Здесь корень множества житейских несправедливостей: не имеет диплома — значит, не знает; не состоит в обществе — значит, не сведущ; не кричит о своём горе — значит, не горюет.

Средство разбора то же: спросить, *единственный ли это путь* к утверждаемому. Если нет — вывод не сделан.

И полезное соображение вдогонку. Обе эти ошибки происходят от смешения «довольно» и «необходимо». Приучившись различать эти два слова, человек избавляется разом от двух самых частых ошибок формы — и это, пожалуй, наибольшая польза, какую даёт формальная логика в обиходе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ложная развилка

Уловка, при которой предлагают выбрать из двух, тогда как возможностей больше: «либо с нами, либо против нас», «либо запретить вовсе, либо дозволить всё».

> «Или мы строим завод, или город останется без работы».

Возражение здесь не в том, что выбор труден, а в том, что *перечень неполон*: завод может быть иным, работа может быть иной, возможны и оба, и ни одного.

Уловка эта сильна тем, что торопит: развилка требует ответа, а ответивший принимает вместе с ответом и самую развилку. Родственный ей приём — вопрос с двумя ответами, оба из которых устраивают спрашивающего, о чём сказано в книге о ментализме.

Средство: *отказаться выбирать, покуда не назван весь перечень*. «Это не единственные две возможности; вот третья и четвёртая».

Оговорка для честности: развилки бывают и подлинные. «Либо число чётно, либо нечётно» — перечень полон. Ошибка не в форме «либо-либо», а в неполноте; оттого и разбор состоит в проверке перечня, а не в отвержении самой развилки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Порочный круг

Доказательство, в котором доказываемое уже содержится в основаниях. По-старинному — «предвосхищение основания».

> «Книга говорит истину, ибо в ней сказано, что она богодухновенна; а сказанному в ней надлежит верить, ибо она богодухновенна».

Круг бывает и коротким, в одной фразе: «Он лжец, потому что говорит неправду». Бывает и длинным, растянутым на страницы, — такой обнаружить труднее всего, и он-то и встречается в учёных сочинениях.

Особый вид — *переименование вместо объяснения*: «он поступил так по причине агрессивности», «вещество усыпляет благодаря снотворной силе». Здесь названо то же самое иным словом, а объяснения не дано.

Средство разбора: выписать доказываемое положение и все посылки, а затем спросить, *можно ли принять хоть одну посылку, не приняв прежде заключения*. Если нельзя — круг.

Заметим и то, что круг не делает положение ложным: книга может говорить истину, а человек быть лжецом. Круг означает лишь, что *доказательства не было*, и надлежит искать основание вовне.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Обобщение по немногим случаям

*

Поспешное заключение от нескольких случаев ко всем: «знаю двоих таких — значит, все они таковы».

> «Мой дед курил до девяноста лет — стало быть, о вреде курения говорят вздор».

Ошибка эта естественна: память устроена на примерах, и один живой случай весит для нас больше сотни цифр. Оттого рассказ знакомого перевешивает статистику даже у людей учёных.

Разбор состоит из трёх вопросов. **Сколько случаев?** Двух-трёх никогда не довольно. **Как выбраны?** Если только те, что бросились в глаза, — выбор негоден. **Считаем ли мы противные случаи?** Обыкновенно нет: помнятся подтверждения.

Сюда же примыкает и *выживший свидетель*: судим по тем, кто дошёл до нас, забывая о тех, кто не дошёл. «Все преуспевшие рано вставали» — а сколько рано встававших не преуспело, никто не считал.

Средство одно и скучное: *искать не подтверждений, а исключений*, и спрашивать, откуда взяты примеры. Об этом же — глава тридцать шестая, где речь о числах.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

После того — не значит вследствие

Из того, что одно случилось после другого, заключают, что оно случилось *по причине* другого. Ошибка стара, как приметы, и жива, как они же.

> «Выпил настойку — и простуда прошла за неделю».

Простуда проходит за неделю и без настойки; здесь работает то, что в книге о внушении названо естественным течением: болезнь, достигшая крайности, идёт на убыль сама, а помощь, поданная в этот час, получает всю славу.

Из той же породы — смешение *совпадения* и *причины*. Две величины могут расти вместе, потому что одна вызывает другую; потому что обе вызваны третьей; или попросту случайно — при большом числе наблюдаемых величин совпадения неизбежны.

Разбор: **Что было бы без этого?** — главный вопрос. **Нет ли третьей причины? Не перепутано ли направление?** (Богатые владеют дорогими вещами — не вещи делают богатым.)

Настоящее же средство против этой ошибки — сравнение с теми, кто не получил лечения, то есть слепая проверка, изложенная в книге о внушении. Вне её всякое «после того» остаётся рассказом, а не доводом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Целое и части

Две встречные ошибки: переносить свойство частей на целое и свойство целого на части.

> «Каждый кирпич лёгок — значит, стена легка».
> «Отряд силён — значит, всякий в нём силён».

Первая зовётся ошибкой сложения, вторая — разделения. Обе происходят от забвения того, что у целого бывают свойства, которых нет у частей: вода мокра, а водород и кислород — нет.

В житейском обиходе она встречается всего чаще в суждениях о людях: «народ таков», «в этом ведомстве все воры», «поколение это ленивое». Свойство, выведенное по среднему, приписывается всякому по отдельности.

Обратно — и в разговорах о деньгах: «всякому выгодно сберегать — значит, стране выгодно, чтобы все сберегали»; между тем при общем сбережении падает спрос, и выходит противное.

Разбор прост: спросить, *об одном ли говорится — о собрании или о его члене*, и не подменяется ли одно другим посреди рассуждения.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Скользкая дорожка

❋

Довод, в котором из малого шага выводится череда следствий, оканчивающаяся бедою, — причём каждый переход берётся без доказательства.

> «Дозволим им это — завтра потребуют большего,
> послезавтра сядут нам на шею, а там и государство рухнет».

Ошибка здесь не в самой мысли о последствиях: последствия бывают, и рассуждать о них надобно. Ошибка — в том, что *вероятность каждого шага не оценена*, а произведение малых вероятностей выдаётся за неизбежность.

Разбор: разложить цепь на звенья и спросить о каждом: *сколь вероятен именно этот переход и что известно из опыта*. Обыкновенно оказывается, что первое звено правдоподобно, второе сомнительно, а третье взято с потолка.

Полезно и обратное испытание: *случалось ли где-нибудь так*. Если подобное уже делалось в иных местах и беды не последовало, довод рассыпается сам.

Сюда же примыкает и уловка «где мы проведём черту»: раз нельзя указать точной границы, значит, её нет вовсе. Между тем сумерки не отменяют различия дня и ночи, и невозможность указать час не отменяет разницы между полднем и полуночью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*

ПОДМЕНЫ

Ошибки, при которых связь как будто верна,
но слово переменило значение
или доказано не то, что требовалось

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Двусмысленность слова

Древнейшая из подмен, названная ещё Аристотелем: слово употреблено в двух значениях, а рассуждение построено так, будто значение одно.

> «Законы природы никем не установлены. Закон предполагает законодателя. Значит, у природы есть законодатель».

Здесь «закон» взят сперва как описание порядка вещей, потом как предписание власти. Связь кажется верной, ибо слово одно; на деле рассуждение перескочило на иной предмет.

В обиходе это встречается со словами вроде «свобода», «естественный», «справедливость», «нормальный», «теория». Последнее особенно: «это всего лишь теория» — сказано о догадке, а понято о научном учении.

Особый вид — *смещение меры*: «дорого», «много», «скоро» без указания, по сравнению с чем. Здесь двусмысленность прячется не в словаре, а в умолчании.

Средство одно и надёжное: *просить определения*. «Что вы разумеете под этим словом здесь?» — и повторить вопрос, когда слово встретится вторично. Половина споров кончается на этом, и кончается миром: оказывается, спорили о разном.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Подмена положения

Взялся доказать одно, доказал другое — более лёгкое, — и объявил дело решённым. Аристотель звал это *ignoratio elenchi*, незнанием опровергаемого.

> Спорили о том, полезно ли это средство. Доказано, что оно безвредно. Заключено, что оно полезно.

Подмена бывает и в свою пользу — когда доказывают меньшее вместо обещанного, и в чужую — когда требуют от противника доказать большее, чем он утверждал: «Вы говорите, что мера несовершенна? Так докажите, что она вредна».

Часто она совершается незаметно и без умысла: спор уплывает от предмета шаг за шагом, и через полчаса обе стороны спорят уже о третьем.

Средство — правило Поварнина: *прежде спора выяснить положение* и записать его. Возвращаться к этой записи всякий раз, когда разговор уходит: «мы говорили о том-то; относится ли сказанное вами к этому?»

И полезнейший из приёмов честного спорщика: *назвать заранее, что было бы для вас доводом против*. Тот, кто не может назвать ничего, спорит не о деле, а о себе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Спор с чучелом

Разновидность подмены, столь распространённая, что заслуживает отдельной главы: вместо сказанного противником опровергают *искажённое* — преувеличенное, упрощённое, доведённое до нелепости.

> — Я думаю, эту статью расходов стоило бы урезать.
> — Так вы предлагаете всё уничтожить и оставить людей без помощи?

Чучело удобно тем, что легко валится; зрителям же кажется, что повержен настоящий противник. Оттого приём этот процветает всюду, где спорят при публике.

Разновидности его: приписать собеседнику крайнее мнение его единомышленников; свести положение к одному неудачному примеру; заменить «иногда» на «всегда», «полезно» на «единственно верно».

Средство простое и действенное: *вернуть своё положение дословно*. «Я сказал: урезать эту статью. Отвечайте на это». Без раздражения и без обвинений — просто повторить.

И правило для себя, обратное этой уловке: *изложи мнение противника так, чтобы он сказал «да, именно это я и имел в виду»*, — и лишь потом возражай. Кто приучил себя к этому, тот выигрывает не споры, а понимание.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Перекраивание определения

Уловка, при которой определение подгоняется под утверждение всякий раз, как находится противный пример. Известна под шутливым именем «истинного шотландца».

> — Ни один шотландец не кладёт сахару в кашу.
> — Мой дядя-шотландец кладёт.
> — Ну, значит, он не *истинный* шотландец.

Так утверждение делается неопровержимым — и вместе с тем пустым: оно уже ничего не говорит о мире, ибо всякий противный случай будет объявлен не относящимся к делу.

В обиходе она звучит так: «настоящий мужчина так не поступает», «подлинная наука этого не утверждает», «истинно верующий не станет». Всякий раз слово «настоящий» служит крючком, на который вешают исключения.

Разбор: спросить, *как определение звучало до появления примера*, и не переменилось ли оно задним числом. И далее — главный вопрос: *какой случай вы признали бы опровержением?*

Если ответа нет — перед нами не утверждение о мире, а способ выражаться. Спорить с ним бесполезно; можно лишь указать на это и перейти к делу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Скрытая посылка и нагруженный вопрос

*

Всякое рассуждение опирается на нечто несказанное. Беда не в этом — иначе речь была бы бесконечна, — а в том, что несказанное *принимается без спора*.

> «Раз он не отрицает, значит, признаёт». Скрытая посылка: молчащий согласен. Она-то и ложна.

Особый и злейший вид — *нагруженный вопрос*, в котором утверждение спрятано в самом вопросе; Аристотель звал это многовопросием. «Перестали ли вы обманывать покупателей?» — отвечающий и «да», и «нет» признаёт, что обманывал.

Сюда же — вопросы с оценкою внутри: «почему эта нелепая мера до сих пор не отменена?» Отвечающий по существу принимает вместе с ответом и слово «нелепая».

Средство: *не отвечать, а разобрать вопрос*. «В вашем вопросе два утверждения; со вторым я не согласен». Отказ отвечать на нагруженный вопрос есть не уклонение, а восстановление честности разговора.

И правило для себя: *всякий раз, соглашаясь, спрашивай, с чем ещё ты согласился заодно*. Здесь работает то же, что в книге о внушении: принятое без проверки принимается целиком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Кому доказывать

Спор часто решается не доводами, а тем, на кого возложено доказывание, — и потому за это идёт первая борьба.

> Доказывает тот, кто утверждает.
> Кто ничего не утверждает, тому доказывать нечего.

Уловка состоит в перекладывании: «Докажите, что этого не существует», «Пока не доказано обратное, я вправе так считать». Между тем требовать доказательства несуществования — значит требовать невозможного.

Древний пример — чайник, будто бы вращающийся между Землёй и Марсом, столь малый, что его не видно в трубы. Опровергнуть нельзя; но и верить в него нет никакого основания, покуда утверждающий не привёл его.

Отсюда правило соразмерности: *чем необычнее утверждение, тем весомее должно быть основание*. Сообщению, что сосед купил корову, верят на слово; сообщению, что он купил дракона, — не верят и при свидетелях.

Средство в разговоре: спокойно вернуть бремя. «Я не утверждаю, что этого нет; я говорю, что оснований считать, что это есть, не приведено. Приведите — и я рассмотрю».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ссылка на незнание

Из того, что нечто не доказано, заключают, что оно ложно; или, наоборот, из того, что не опровергнуто, — что истинно. Обе стороны одной ошибки.

> «Наука не объяснила этого явления — значит, оно сверхъестественно».
> «Вреда не доказано — значит, безвредно».

Незнание есть незнание: из него не следует ни того, ни другого. Оттого честный ответ на многие вопросы звучит скучно: «неизвестно», — и этот ответ надлежит уметь давать и принимать.

Важная оговорка, без которой правило становится негодным. Отсутствие свидетельств *бывает* доводом — там, где свидетельства должны были бы найтись, если бы утверждаемое было верно. Если в комнате нет слона, то отсутствие следов есть довод; если нет комара — не есть.

Оттого разбор состоит в вопросе: *если бы это было так, что мы должны были бы увидеть?* Если ответ «ничего особенного» — утверждение пусто; если «вот это и это», а его нет, — отсутствие говорит само за себя.

Сюда же примыкает и приём «нам не всё известно». Он верен, но не даёт ничего: из того, что мы знаем не всё, не следует, что верно именно предлагаемое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Слова-обёртки

Одно и то же дело, названное разными словами, кажется разным. На этом стоит целое ремесло, о котором сказано и в книге о внушении.

> «Пособие» или «раздача»; «оптимизация» или «увольнения»; «сопутствующий ущерб» или «убитые».

Приём двоякий. *Смягчение* прячет неприятное за гладким словом. *Ярлык* — напротив, навешивает бранное имя, после которого разбирать уже нечего: назвав мнение вредным, спорить с ним не нужно.

Особенно действенно *определение через оценку*: спор о том, «хищничество» это или «предприимчивость», решает исход прежде всяких доводов. Оттого борьба за слова в общественных спорах ведётся ожесточённее борьбы за доводы.

Средство: *перевести на нейтральное описание*. Не «оптимизация», а «увольнение двухсот человек»; не «раздача», а «выплата тем-то в таком-то размере». После перевода довод либо остаётся в силе, либо рассыпается.

И правило для себя: *если ваше положение держится на выборе слова, значит, оно не доказано*. Проверьте его в самых сухих выражениях — и посмотрите, что останется.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

✻

УЛОВКИ СПОРА

Приёмы, коими побеждают, не касаясь существа дела, —
изложенные затем, чтобы их узнавать
и не поддаваться им

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Переход на лицо

Вместо разбора сказанного нападают на сказавшего. Уловка древнейшая и самая ходовая.

> — Мера эта убыточна, вот расчёт.
> — Что вы понимаете в хозяйстве, вы и сами-то небогаты.

Виды её. **Прямая брань** — о глупости, невежестве, дурном нраве. **Указание на выгоду** — «вам это на руку»; заметим, что заинтересованность есть повод для строгой проверки, но не опровержение. **Указание на непоследовательность** — «вы сами так делали»; это упрёк, а не довод.

Всякий раз ошибка одна: *довод не делается ложным оттого, что дурён говорящий*. Дурной человек может сказать правду; лицемер, зовущий к трезвости, прав по существу, хотя бы и пил сам.

Есть и законное употребление ссылки на лицо: когда речь идёт не о доводе, а о *свидетельстве*. Если человек уличён во лжи, доверять его показаниям без проверки нельзя; но и тогда опровергнут не довод, а лишь его надёжность.

Средство: *отделить лицо от положения* вслух. «Допустим, я невежда. Что неверно в самом расчёте?»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ссылка на власть имени и на толпу

*

Две уловки, действующие через вес источника, о коем сказано в книге о внушении.

Ссылка на имя. «Так сказал такой-то» — и разбор прекращён. Ошибка не в том, что ссылаться нельзя: без доверия к сведущим людям жить невозможно. Ошибка в том, что ссылка выдаётся за доказательство.

Законная ссылка отвечает трём условиям: названный *сведущ именно в этом*; он говорит *то, что говорят и прочие сведущие*; и он *не заинтересован*. Нарушено любое — ссылка теряет вес. Знаменитый естествоиспытатель, рассуждающий о политике, есть просто человек с мнением.

Ссылка на толпу. «Все так думают», «миллионы не могут ошибаться». Могут: заблуждения бывали всеобщими и держались веками.

Уловка эта сильна тем, что задевает подражание, о коем сказано в книге о внимании и о внушении: человек невольно принимает то, что принято вокруг.

Средство одно на обе: спросить *«на чём это основано?»*. Ответ «на том, что так сказал такой-то» или «что так считают все» есть указание на источник, а не на основание, — и разговор надлежит вернуть к существу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ссылка на древность и на новизну

*

Две встречные уловки, одинаково пустые: одна выводит истинность из старины, другая — из новизны.

> «Так делали деды — значит, верно».
> «Это устарело — значит, негодно».

Ни то ни другое ничего не доказывает. Старинное бывает и мудрым, и вредным; новое — и лучшим, и вздорным. Кровопускание было древним обычаем; мытьё рук перед операцией — новшеством, встреченным насмешками.

Разумное зерно в первой уловке есть: обычай, продержавшийся века, вероятно, чему-то служил, и прежде чем ломать, стоит понять чему. Но это довод к *осторожности*, а не к истинности.

Зерно есть и во второй: во многих делах позднейшее знание опирается на прежнее и потому надёжнее. Но и это не общее правило, а частное соображение.

Средство: спросить, *что именно изменилось*. «Прежде так делали, потому что не было такого-то средства; ныне оно есть» — вот это довод. «Прежде — значит, лучше» — не довод.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Отравление источника

*

Уловка предупредительная: собеседника обесценивают *заранее*, так что всё сказанное им впредь будет отвергнуто без разбора.

> «Сейчас он начнёт по обыкновению защищать своих. Послушаем, но вы понимаете, чего это стоит».

Действует она сильнее прямой брани, ибо предваряет: слушатель принимает предупреждение и далее слышит уже сквозь него. Это то самое устройство ожидания, что описано в книге о внушении.

Разновидности: «он ведь из такого-то лагеря»; «его исследование оплачено такими-то»; «конечно, он скажет иначе — ему за это платят». Заметим ещё раз: заинтересованность есть повод для проверки, а не для отказа слушать.

Сюда же — уловка неопровержимости: «всякое ваше возражение лишь подтверждает мою правоту». Положение, при котором и согласие, и возражение считаются подтверждением, не есть положение о мире.

Средство: назвать приём вслух и вернуть разговор к содержанию. «Вы сказали, чего от меня ждать; теперь послушайте, что я в самом деле говорю, и возразите по существу».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Уводы в сторону

*

Уловки, при которых спор уводится от предмета — туда, где отвечающему удобнее.

Ложный след. Вбрасывается новое, само по себе занимательное, и спор уходит за ним. «Мы говорим о расходах? Но заметьте, каковы нынче нравы» — и через десять минут все спорят о нравах.

Встречный упрёк. «А вы у себя посмотрите». Приём, известный всякому: вместо ответа — указание на грехи спрашивающего. Даже если упрёк справедлив, на вопрос он не отвечает.

Утомление подробностями. Ответ, погребающий существо под ворохом частностей, после которого никто не помнит, о чём спрашивали.

Перевод в частный случай. Общее положение обсуждается на исключительном примере, где оно и вправду не работает; вывод же переносится на все случаи.

Средство одно для всех: *вернуть вопрос*. Спокойно, без обвинений, теми же словами: «Это отдельный разговор. Мой вопрос был такой-то». Повторить дважды; если и после этого ответа нет, отсутствие ответа само есть ответ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Давление: жалость, страх, насмешка

*

Уловки, обращённые не к рассудку, а к чувству. Поварнин звал сильнейшие из них палочными доводами.

Жалость. «Подумайте, каково мне будет, если вы окажетесь правы». Чувство законное, но к истинности положения отношения не имеет.

Страх. От прямой угрозы до намёка на последствия: «такие рассуждения нынче до добра не доводят». Довод этот не опровергает — он заставляет замолчать, и в том его цель.

Насмешка. Самая ходовая: положение не разбирают, а высмеивают. Смеющийся не рассуждает, как сказано в книге о внимании, — и потому смех есть лучшее средство закрыть разговор, не выиграв его.

Лесть и подкуп согласием. «Вы человек умный и, конечно, согласитесь» — несогласие обращается в признание своей глупости.

Наглость и уверенность. Твёрдо произнесённое принимается легче обоснованного, о чём сказано в книгах о голосе и о внушении.

Средство общее: *назвать вслух, что происходит*, и отделить чувство от вопроса. «Мне вас жаль, и это правда; но верно ли положение?» Такая прямота обезоруживает, ибо уловка эта живёт неназванностью.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Приёмы Шопенгауэра

Из тридцати восьми приёмов его перечня выберем те, что встречаются доныне всякий день, и назовём их своими именами.

Расширение. Довести положение противника до крайности и опровергать уже её. Сказано «эта мера полезна» — опровергается «эта мера решит все беды». Это то же чучело из главы девятнадцатой.

Омонимия. Воспользоваться двойным значением слова и перевести спор на другое его значение.

Вывод из уступки. Выпросить у противника несколько мелких согласий, а после вывести из них то, чего он не признавал. Оттого опытный спорщик осторожен с невинными «да».

Раздражение. Вывести противника из себя: рассерженный рассуждает хуже и говорит лишнее. Приём бесчестный и, увы, действенный.

Множество вопросов зараз. Спрашивать быстро и о многом, чтобы отвечающий сбился; после объявить сбивчивость поражением.

Ссылка на слушателей. Говорить не противнику, а публике, и добиваться её одобрения. Против сведущего противника при несведущей публике приём почти безотказный.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Последняя уловка

Тридцать восьмой приём его перечня Шопенгауэр приберёг напоследок и описал с полной откровенностью.

> Когда замечаешь, что противник сильнее
> и что дело проиграно, — перестань говорить о деле
> и начни говорить о нём самом.

То есть: перейти на оскорбления. Шопенгауэр честно поясняет, отчего это работает: спорить о существе трудно, а грубить может всякий; и, что важнее, оскорблённый обыкновенно отвечает тем же — и спор о деле кончается навсегда.

Отсюда важнейшая для читателя примета: *переход на личности есть признание поражения*. Кто перешёл на брань, тот исчерпал доводы, — и не нужно принимать это за силу.

Отсюда же и правило поведения: *не отвечать тем же*. Ответивший грубостью подтверждает уловку и теряет то, что имел. Лучше сказать прямо: «Это уже не о деле. Если желаете вернуться к вопросу — я здесь».

И совет самого Шопенгауэра, единственный вполне добрый в его книге: вернейшее средство от всех уловок — *не спорить с кем попало*. Спорить стоит с тем, кто ищет истины; с прочими беседа кончается сама собою, и это не поражение.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

❊

ЗАЩИТА

Как слушать довод, какими вопросами разбирают уловку,
как ловить собственные ошибки
и когда спор вовсе не нужен

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Как слушать довод

Защита начинается не с возражения, а с разбора. Разбор же состоит в том, чтобы разложить услышанное на части и посмотреть, что с чем связано.

Первое: найти положение. Что именно утверждается? Обыкновенно оно не названо прямо и извлекается из речи. Пока положение не выписано, возражать не о чем.

Второе: найти основания. На чём оно держится? Отделить *доводы* от украшений, примеров и повторений. Часто оказывается, что оснований одно, а слов вокруг сотня.

Третье: найти умолчание. Что должно быть верно, чтобы связь работала? Это и есть скрытая посылка из главы двадцать первой, и в ней-то обыкновенно всё дело.

Четвёртое: спросить о степени. Насколько эти основания делают положение вероятнее? Ответ «ничуть» означает, что довод пуст, хотя бы и звучал внушительно.

И правило порядка, о коем сказано в главе третьей: *сперва форма, потом слова, потом добросовестность*. Начинающий поступает наоборот — и потому его споры кончаются ссорою.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Вопросы, разрушающие уловку

*

Соберём короткий набор вопросов. Ими разбирается почти всякая уловка, и задаются они спокойно, без обличения.

> Что именно утверждается?
> На чём это стоит?
> Что должно быть верно, чтобы это следовало?

«Что вы разумеете под этим словом?» — против двусмысленности и перекраивания определений.

«Чем ещё это могло быть вызвано?» — против утверждения следствия и ложной причины.

«Это единственные две возможности?» — против ложной развилки.

«Какой случай вы признали бы опровержением?» — против неопровержимых положений и подгонки.

«Мы всё ещё о том, с чего начали?» — против подмены и уводов.

«Допустим, вы правы обо мне. Что неверно в самом доводе?» — против перехода на лицо.

Все шесть — вопросы, а не обвинения, и в этом их сила: на них либо отвечают по существу, либо не отвечают вовсе, и второе видно всем без ваших пояснений.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Свои ошибки

*

Труднейшая часть предмета: чужие ошибки видны всякому, свои — почти никому. И знание уловок здесь не помогает, а иногда и мешает.

Первая и главная — подбор в свою пользу. Ища проверки, мы ищем подтверждений и почти не ищем опровержений; помним подтвердившееся, забываем противное. Это работает и у людей учёных, и притом тем сильнее, чем предмет важнее для них лично.

Вторая — двойная мера. Довод в свою пользу проверяется вопросом «могу ли я в это верить?», а противный — вопросом «обязан ли я в это верить?». Строгость разная, и это незаметно изнутри.

Третья — защита сказанного. Высказав мнение вслух, человек начинает защищать не мысль, а себя. Оттого спор при свидетелях меняет мнения реже, чем разговор наедине.

Четвёртая — знание как оружие. Выучивший названия ошибок начинает видеть их у противников и не видеть у себя.

Средства скучны и действенны: *назвать заранее, что было бы для вас доводом против; поискать сильнейшее возражение самому; изложить чужое мнение так, чтобы носитель его согласился; и сказать вслух «я был неправ» хотя бы раз*. После четвёртого прочие даются легче.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Числа и их обман

Числа кажутся неоспоримыми и потому обманывают вернее слов. Перечислим главные приёмы.

Доля вместо количества. «Риск возрос вдвое» — с одного случая на миллион до двух. Всегда спрашивать: *вдвое от чего*.

Среднее без разброса. Средний доход растёт, а у большинства падает: одно большое число тянет среднее вверх. Спрашивать о *серединном* значении, а не о среднем.

Выбор основания. Сравнение с удачно выбранным годом; шкала, начатая не с нуля; проценты от разных величин.

Откуда взяты. Кого опрашивали, сколько их было, кто отказался отвечать, кто заплатил за исследование.

Связь вместо причины. Две величины идут вместе — и отсюда выводят, что одна вызывает другую, о чём в главе четырнадцатой.

Отбор напечатанного. Удачные проверки печатаются, неудачные нет; оттого средний вывод по напечатанному завышен. Об этом сказано и в книге о внушении.

Общее правило: *требовать числа в двух видах* — и в долях, и в количествах, — и спрашивать, с чем сравнивали. Два эти вопроса отсекают большую часть числового обмана.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Когда спор не нужен

❋

Умение спорить включает умение не спорить, и последнее реже и ценнее.

Когда стороны ведут разные споры. Один ищет истины, другой — победы или зрителей. Продолжение здесь бесполезно: правила разные, и выигрывает тот, кто играет грязнее.

Когда положение неопровержимо. Если никакой случай не признаётся опровержением, спорить не о чем: перед вами не утверждение о мире.

Когда спор не о деле, а о принадлежности. Мнение здесь есть знак свои-чужие, и отступление от него равно измене. Доводы тут не действуют вовсе.

Когда собеседник в горе, в гневе или в опьянении. Ничего, кроме ссоры, не выйдет; отложите до иного дня.

Когда цена вопроса меньше цены спора. Часто оказывается, что дело не стоит вечера и дружбы.

И честный способ выйти без унижения обеих сторон: *«Кажется, мы понимаем это по-разному. Я подумаю над сказанным»* — и подумать в самом деле. Половина верных мыслей приходит через день после спора, когда никто уже не смотрит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Чего логика не может

*

Соберём пределы; они оберегают от главной болезни знатоков — уверенности, что разбором формы решается всё.

Она не даёт истины из ничего. Правильный ход мысли переносит истину от посылок к заключению; откуда взяты посылки — вопрос знания предмета, а не логики.

Ошибка в доводе не опровергает положения. Дурно доказанное может быть верным. Обнаружив ошибку, честный человек говорит: «это не доказано», — а не «это ложно». Считать иначе — само по себе ошибка, и притом частая.

Она не решает вопросов о должном. Из того, что есть, не следует, что должно быть; ценности не выводятся из описаний, и спор о них ведётся иначе.

Она не заменяет опыта. Ни один разбор не скажет, помогает ли средство: это решается проверкой, о коей в книге о внушении.

И она не делает человека беспристрастным. Знание ошибок не отменяет подбора в свою пользу; оно лишь даёт орудие, которым можно — если захотеть — проверить себя.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила спорящего честно

Соберём правила, вытекающие из всей книги. Они немногочисленны и все неудобны.

Выяснить положение прежде спора. О чём именно спорим, что каждая сторона берётся доказать и что означают спорные слова. Правило Поварнина, сберегающее девять споров из десяти.

Излагать чужое мнение так, чтобы носитель его признал. И лишь после этого возражать.

Не приписывать намерений. Разбирать сказанное, а не мнимые побуждения сказавшего.

Признавать верное у противника вслух. Это не уступка, а условие: тот, кто не признаёт ничего, показывает, что ищет победы.

Называть, что было бы доводом против вас — и держаться сказанного, когда такой довод явится.

Не пользоваться уловками, будучи правым. Соблазн велик: они действуют. Но пользующийся ими приучает и себя, и других к тому, что побеждает не истина.

И уметь сказать «я был неправ» и «я не знаю». Две фразы, которые дороже всего перечня приёмов.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: форма, слово, добросовестность

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Всякий довод разбирается тремя вопросами: *верна ли связь*; *те ли слова*; *добросовестно ли ведётся дело*. В этом порядке и не смешивая: ошибка формы не есть подлость, а подлость не разбирается логикою.

Ошибки формы сводятся к немногому: из следствия выводят основание, из отсутствия причины — отсутствие следствия, из двух возможностей делают все, из совпадения — причину, из немногих случаев — правило. Кто помнит эти пять, тот распутает большую часть услышанного.

Подмены живут в словах: двусмысленность, подменённое положение, чучело вместо противника, подогнанное определение, вопрос с утверждением внутри. Средство против всех одно — *просить определения и возвращать разговор к началу*.

Уловки же не разбираются — они *называются*. Названная уловка теряет силу, ибо живёт неназванностью. И самая частая из них, переход на личности, есть, по слову Шопенгауэра, признание поражения.

И последнее, ради чего написана вся книга. *Знание это дано не затем, чтобы побеждать, а затем, чтобы не быть побеждённым нечестно — и чтобы ловить себя.* Кто применяет его только к чужим доводам, тот выучил уловки, а не защиту.

ОШИБКИ РАССУЖДЕНИЯ

Софизмы, уловки и защита

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм